

Глава 2

Гэры

Проведя в доме старосты всего одну ночь, Фан Цзычэнь твёрдо решил съехать. Оставаться здесь дольше было выше его сил.

Ещё вчера, только войдя в деревню, он заметил, что народ тут живёт в крайней нужде. Большинство хижин лепились из глины и соломы. Жилище старосты выглядело чуть крепче остальных, но и только. На шесть комнат приходилось больше десяти взрослых — теснота была невообразимая.

Юношу определили спать к Хэ Си. Комнатка оказалась крошечной и узкой, да ещё и с «сюрпризом»: она располагалась вплотную к свинарнику. Видимо, пока семья старосты два дня искала пропавшего старика, за свиньями никто не приглядывал. Запах стоял такой, что буквально сбивал с ног.

Первую половину ночи Цзычэнь пролежал без сна. Лишь под утро он забылся тяжёлым бредом, и на мгновение ему почудилось, будто он спит прямо в навозе в обнимку с хряком.

Ощущение было неопишное.

Едва рассвело, Фан Цзычэнь осторожно завёл разговор со старостой. Он объяснил, что денег у него при себе нет, вернуться домой он пока не может и хотел бы на несколько дней обосноваться в деревне — но только не в его доме. Можно ли так сделать?

Хэ Чжи возражать не стал. После завтрака он вместе с сыновьями привёл юношу к пустующему дому.

— Можешь пока пожить здесь, — широким жестом объявил он.

Фан Цзычэнь замер в оцепенении.

Строение состояло из четырёх комнат, расположенных буквой «П»: одна слева, одна в центре и две справа. Перед ними раскинулся довольно просторный двор. Места было предостаточно, но...

«Это они называют жильём?!»

Цзычэню хотелось топтать ногами и ругаться. Ему очень хотелось спросить Хэ Чжи: неужели тот не видит щель в стене шириной с кулак? Или то, что добрую половину соломы с крыши давно сдуло ветром? О том, что одна из стен накренилась чуть ли не на пятьдесят градусов, и

говорить не стоило. Это же аварийный объект высшей категории!

«Они что, решили так от меня избавиться, раз я им не приглянулся?»

Хэ Си, считавший, что после совместной ночёвки они теперь лучшие друзья, принялся деловито объяснять:

— Это наше родовое гнездо. Его ещё прадед строил. Потом семья разрослась, места стало не хватать, вот и возвели новый дом. Тут уже много лет никто не живёт. Мы сейчас с братьями подлатаем всё по-быстрому — и можно заезжать.

Цзычэнь, побледнев, уточнил:

— А она на меня не рухнет?

— Да брось, — уверенно махнул рукой собеседник. — Стена хоть и выглядит кособоким, на деле крепкая. Она такая ещё с моего детства, и до сих пор стоит. Не веришь — иди сам толкни.

Фан Цзычэнь действительно подошёл и пару раз пнул стену. С неё осыпалось немного пыли, но сама конструкция даже не шелохнулась. Дом оказался из тех, что с виду дрянь, а на деле вполне пригоден.

Хэ Си и его братья, засучив рукава, принялись чинить крышу. Соломы не хватило, поэтому парни сбегали к горам накопить свежей травы. Пришедшие позже женщины помогли выполоть сорняки во дворе.

В те времена бедно жили все: когда семья старосты переезжала, они забрали с собой даже табуретку с подбитой ножкой. В доме было девственно чисто — настолько, что там побрезговал бы селиться даже самый неприхотливый призрак.

Семья Хэ соорудила для него подобие кровати, выделила котелок, горшочек масла, щепотку соли и несколько цзиней «риса». Было ли это рисом на самом деле — Фан Цзычэнь не знал. Он пробовал это варево вчера на ужине, и вкус его был просто убийственным. Глотать эту массу было всё равно что глотать яд.

Съев всего полмиски, юноша почувствовал, что содрал себе половину слизистой горла. Есть это было решительно невозможно. При этом вся семья старосты — от мала до велика — уплетали это за обе щеки. Жена Хэ Чжи, Ван Дамэй, пояснила, что называется это «необработанным рисом». Почти вся деревня питалась именно так, и только по большим праздникам те, кто побогаче, могли позволить себе сварить белый рис.

Фан Цзычэнь застыл в оцепенении.

«Куда же я попал, если обычный белый рис здесь считается роскошью?!»

«Дедушка Юань Лунпин, где же вы, когда вы так нужны?!»

Семья старосты трудилась, не покладая рук, и Цзычэню стало неловко стоять в стороне. Весь остаток дня он провел вместе с ними. Толку от него, правда, было немного: плотницкому делу он не обучен, так что только подавал инструменты да махал метлой, поднимая тучи пыли. Полчище не стал, зато сам он к вечеру был по уши в грязи и поту.

В кухне обнаружилась каменная кадка для воды. Сделана она была из какого-то невероятно тяжелого материала. Фан Цзычэнь попытался сдвинуть её, когда убирался, но та даже не дрогнула. Видимо, Хэ Чжи бросил её только потому, что тащить было тяжело, а ценности она не представляла.

Кадка была пуста. Проводив помощников, юноша взял ведро и направился к реке. Солнце уже клонилось к закату. Взглянув на небо, он прикинул, что сейчас около пяти часов вечера.

Котелок в его новом доме всё ещё оставался холодным. В это время все обычно занимались хозяйством, и на улице должно было быть пусто, но у берега царил нездоровое оживление. Как выяснилось, в реку упал Чжао-гэр.

Это произошло случайно — он просто стирал бельё и оступился. Из-за летних дождей течение стало быстрым. Пока стоявшие рядом женщины и гэры сообразили, что случилось, беднягу уже отнесло далеко.

— Чжао-гэр в воду упал! — закричал кто-то. — Зовите на помощь!

— Что же делать? — в панике голосили другие.

— Кто-нибудь умеет плавать? Спасите Чжао-гэра!

У реки собрались только женщины и гэры, и почти никто из них не умел держаться на воде. Несколько человек бросились в деревню, надрывно выкрикивая:

— Помогите! Помогите! Чжао-гэр тонет!

Фан Цзычэнь издали заметил толпу. Услышав крики, он, не раздумывая, сорвался на бег — тело сработало быстрее разума.

Чжао-гэр отчаянно барахтался в воде. Он уже наглотался, грудь сдавило от боли. Он слышал крики на берегу, но никто не спешил прыгать в реку. Чжао-гэр не умел плавать и теперь только беспорядочно сучил руками, чувствуя, как силы покидают его. Предсмертный ужас и отчаяние

сковали его сердце.

Когда Фан Цзычэнь добежал до берега, человек в реке уже начал терять сознание и медленно погружаться. Дело было плохо.

Сбросив тапочки, Цзычэнь с разбегу нырнул. Преодолевая сильное течение, он доплыл до Чжао-гэра, обхватил его за подмышки и потащил к суше. Когда они наконец выбрались на мелководье, юноша был измотан.

— Помогите... — выдохнул он.

Но люди на берегу даже не шелохнулись. Более того — они закрывали глаза руками и отворачивались, не желая на них смотреть.

У Цзычэня дёрнулось веко. Кое-как отдышавшись, он сам вытянул пострадавшего на траву. Фан Цзычэнь был одет в тонкую трикотажную футболку с круглым вырезом, которую использовал как пижаму. Теперь же мокрая ткань облепила тело, подчёркивая каждую линию.

Восемнадцатилетний юноша казался стройным, даже худощавым, но под одеждой скрывалось на удивление крепкое телосложение. Рельеф мышц был чётким, но не чрезмерным.

В глазах же местных жителей всё выглядело иначе: парень обнимал Чжао-гэра, будучи полуодетым, — зрелище в высшей степени непристойное и бесстыдное.

— Кто это такой? — шепнула одна из женщин, прикрывая глаза ладонью.

— Не знаю, раньше его в деревне не видели.

— Ох, батюшки, откуда он только взялся! Совсем стыд потерял!

— Кажется, это тот самый, что вчера Шестого дядю Хэ спас. Я видела его у ворот — волосы короткие, чудной такой. Точно он.

Пока они шушукались, раздался испуганный вскрик:

— Что ты творишь?!

Женщины обернулись и обомлели: этот бесстыдник в открытой одежде среди бела дня... лапал Чжао-гэра! И в грудь тыкал, и в губы целовал — сущее распутство!

Терпеть такое было невозможно. Невестка семьи Чжоу, отбросив скромность, схватила

тяжёлый валёк для стирки. Она была в добрых отношениях с пострадавшим и переживала за него больше всех. Женщина с размаху опустила палку на спину Фан Цзычэня.

— Ах ты, мерзавец! Как ты смеешь так бесчинствовать! Как Чжао-гэру теперь людям в глаза смотреть?!

— Ох, грех какой!

— Убью тебя! Убью!

Цзычэнь даже не успел сообразить, что происходит, как получил пару увесистых ударов. Рука у женщины оказалась тяжёлой — спину мгновенно обожгло острой болью.

— Вы чего дерётесь?! Совсем с ума сошли?!

Услышав, что парень ещё и огрызается, невестка семьи Чжоу замахнулась снова. Тут уж и Цзычэнь не выдержал:

— Да я ему искусственное дыхание делаю, придурочная! Какой ещё «беспредел»? Вы посмотрите на меня и на него — кто из нас ещё в выигрыше?!

При этих словах все невольно уставились на его лицо. Только сейчас толпа заметила, насколько этот ханьцзы хорош собой.

Впрочем, даже красота не помогла ему оправдаться. В глазах свидетелей, каким бы статным он ни был, он оставался мужчиной. А раз он целовал гэра — значит, гэр обеспечен, а мужчина воспользовался случаем.

В этот момент к реке подоспел староста с толпой мужиков. Его жена, Ван Дамэй, увидев, что Цзычэня колотят, бросилась наперерез:

— Семья Чжоу, вы что творите?!

— Старшая сестра Ван, этот ханьцзы... он... — невестка семьи Чжоу замялась, подбирая слова.

— Он бесстыдник!

Старосте и его супруге тут же в красках расписали происшествие. Сначала Чжао-гэр стирал вещи, одну унесло течением, он потянулся за ней, упал в воду, а дальше... дальше всё и так было ясно. И грудь мял, и в губы впился — за такое и прибить не грех.

Однако Хэ Чжи и Ван Дамэй чувствовали, что Фан Цзычэнь не из таких людей. Вчера в их доме

их собственный гэр подавал еду, так гость на него и взгляда лишнего не бросил — только вежливо поздоровался. Их гэр был чист и красив, и если юноша к нему не проявил интереса, неужели он позарился бы на Чжао-гэра, который уже был замужем и родил ребенка?

Староста посмотрел на Цзычэня, давая тому возможность объясниться. Тот стоял с мокрыми волосами, облепившими лоб, и выглядел на редкость невинно. Парень отчаянно замахал руками:

— Это недоразумение! Я не приставал к нему! Это... это искусственное дыхание! У нас так всегда спасают тех, кто наглотался воды!

Семья старосты знала, что он прибыл из заморских земель. А раз края другие, то и обычаи могли отличаться. Да и вид у Цзычэня был такой искренний, что трудно было заподозрить его в дурных намерениях.

— Я видела! — подала голос одна из женщин. — После того как он его поцеловал и на грудь надавил, Чжао-гэр воду выплюнул. А до этого он лежал совсем без чувств.

— Но всё же...

Чжао-гэра спасли, это верно. Но после такого «спасения» — как ему жить дальше? Уж лучше бы не спасали.

Шум не утихал, а Фан Цзычэнь всё никак не мог взять в толк, в чём проблема.

— Ну поцеловал я его раз, и что с того? — недоуменно спросил он.

Он знал, что в старину правила приличия между мужчинами и женщинами были строгими, но чтобы между двумя мужиками...

Ван Дамэй посмотрела на него с нескрываемым сочувствием:

— Чжао-гэр... он гэр. Его нельзя вот так запросто целовать.

Цзычэнь растерянно моргнул.

— Он был замужем, у него ребёнок, — вздохнула Ван Дамэй. — Теперь, после того что ты сделал... семья Ма его в покое не оставит.

— Погодите, — у Фан Цзычэня пересохло в горле. — Вы сказали, он был замужем? И у него... есть ребёнок?

— Да.

Цзычэнь лишился дара речи.

— Он родил ребёнка?! — его голос сорвался на крик от изумления. — Как он мог родить? Он же мужчина!

— Он не ханьцзы, — староста Хэ Чжи наконец понял, в чем дело. Юноша просто не знал, кто такие гэры. — Гэры выходят замуж и могут рожать детей.

«Это что за чертовщина?!»

«Даже в сериалах такого не придумывают!»

Фан Цзычэнь медленно повернул голову и посмотрел на лежащего на траве человека, которого он принял за мужчину. С первого взгляда тот почти не отличался от обычного парня, разве что был пониже ростом, кожа не такая белая, черты лица аккуратные, нос ровный, губы тонкие... Сейчас он лежал с закрытыми глазами, нахмутив брови — видимо, всё ещё чувствовал себя неважно.

Присмотревшись, Цзычэнь признал, что тот выглядит довольно мило, но ничего особенного в нем не было. Видимо, внутри он всё же отличался от него самого. Раз может рожать — значит, способен на это.

Он начал осознавать суть происходящего, но шок всё ещё не проходил. Староста и остальные наблюдали за тем, как на лице юноши сменяется целая гамма чувств. В его взгляде читалось: «Ты, верно, издеваешься надо мной», «Почему этот мир такой странный?», «Кажется, я попал в невероятное место», «Это какое-то безумие» и «Я точно сплю».

Раз может выходить замуж и рожать — значит, для общества он ничем не отличается от женщины. Фан Цзычэнь понял, что совершил роковую ошибку. Совсем приуныв, он спросил Хэ Чжи:

— И что мне теперь делать?

Чжао-гэр всё ещё не пришёл в себя, а родни из семьи Ма рядом не было. Староста и сам не знал, как распутать этот узел.

Цзычэнь предложил свой вариант:

— Раз я его поцеловал... может, пусть он меня в ответ поцелует? И будем квиты?

Старосте очень захотелось отвесить парню подзатыльник.

Чжао-гэр лежал в мокрой одежде, и оставлять его так было нельзя. Хэ Чжи велел своей супруге увести беднягу к ним домой. Солнце уже зашло, люди из семьи Ма так и не объявились, так что все разбирательства отложили до утра.

Перед уходом Хэ Чжи предупредил Цзычэнь, что миром это дело вряд ли кончится. Семья Ма славилась своим крутым нравом и наверняка вцепится в парня мёртвой хваткой.

Фан Цзычэнь только плечами пожал:

— У меня в карманах пусто, да и в животе не густо. Что они с меня возьмут?

Староста мрачно усмехнулся:

— Даже если не вытрясут из тебя ни монеты, они с тебя три шкуры спустят, уж поверь.

Цзычэнь промолчал.

Он вернулся к своей лачуге на ватных ногах. Усевшись на пороге, он обвёл взглядом свой покосившийся двор. На душе было тоскливо. Он не знал, на что способна семья Ма, и не слишком беспокоился об этом. В голове крутилась только одна мысль.

«Эх, сейчас бы сигаретку...»

Даже курить бы не стал — просто прикурил бы и держал в пальцах, чтобы выглядеть более эффектно в своём отчаянии. Под стать своему лицу.

Когда всё стихло, боль в спине проявилась с новой силой. Цзычэнь начал раскаиваться. Он и раньше знал, что помогать людям чреват — иногда на таких «спасителях» просто пытаются нажиться. Кого-то обдирают на пару тысяч, а кто-то и вовсе по миру идёт.

С ним такого ещё не случалось, но получить палкой по спине в благодарность за спасение жизни... было чертовски обидно. Незнание не освобождает от ответственности, но доброе дело не нашло награды.

«Чистый убыток».